

Глава первая

1

Зябким февральским вечером, когда друзья случайно столкнулись у чугунной решетки Летнего сада, Санкт-Петербург был охвачен тревожными слухами: в Зимнем произошел взрыв! Говорили, что государь чудом уцелел, а террористу удалось скрыться.

Улицы, вокзалы, трактиры были наводнены сыщиками и переодетыми жандармами. Всякого, похожего на «социалиста», хватали и тащили в полицейскую часть.

Молодые люди спешили укрыться по своим углам и вдруг, в тусклом свете фонаря, столкнулись лицом к лицу:

– Коля! Милый друг! Вот встреча!

– Сергей! Сережа! – И друзья, забыв о предосторожности, бросились в объятия друг другу.

– Боже мой! Сколько же мы не виделись? Вечность! Целая вечность! – радостно восклицал высокий, с русой бородкой, в зеленом шарфе Сергей Стрешнев, целуя друга и глядя на него восторженными голубыми глазами.

– Давно, давно, Сережа. Чуть ли не с самой гимназии. Я так рад!.. – Николай Кибальчич, темнобородый молодой человек с худым, бледным лицом, слегка отступил, оглядывая друга умными озабоченными карими глазами. – Много воды утекло... Ты, наверное, уж курс кончил?

– Третий год, как учительствую в женской гимназии... А ты, голубчик, как же ты? Ведь я наслышан... Как-то летом был в наших местах...

– Мне солоно пришлось... – Кибальчич быстро оглянулся и продолжал шепотом: – Почти три года по казематам...

– Да, да, ужасно, родной мой, ужасно! Я очень сочувствую... Но теперь вся передовая молодежь поднимается на борьбу с деспотизмом.

– Тс-с! – Кибальчич предостерегающе поднял палец.

– Понимаю, Коля... Но ты не бойся. – Сергей потянулся к самому уху друга и горячо зашептал: – Я сам с вами. Сам причастен к партии «Народная воля».

– Правда? Когда же?

– Как узнал подробности о тебе – сразу же решился...

Николай стиснул руку Сергея:

– Поздравляю! Поздравляю, друг! Но больше об этом ни слова! – Он, как бы что-то ища в нагрудном кармане, оглядел улицу. – Ведь знаешь, что произошло в Зимнем? Сейчас шпики и жандармы рыщут по всем закоулкам.

– Куда же нам? Может, ко мне, на Васильевский?

– Лучше пересидим у меня – это рядом.

– А удобно?

– Хозяйка собиралась к родным в Гатчину... А если не уехала, не беда. Только зови меня не Николаем, а Максимом. Я ведь теперь на нелегальном...

– А-а-а! – удивленно взглянул на друга Сергей, но тут же осекся: – Извини, я не знал...

– Кажется, за нами следят. Пошли! – Кибальчич взял Сергея под руку.

Они свернули в переулок, потом в другой, а затем в узкий длинный двор. Войдя с Сергеем в темный провал подъезда, Кибальчич прислушался.

– Все тихо. Идем!

По черной лестнице, ощупью, они поднялись на четвертый этаж. На стук никто не отозвался. Кибальчич, отомкнув дверь своим ключом, ввел друга в темную, пахнущую кошками переднюю, а затем, чиркнув спичкой, в длинную комнату, с железной кроватью, просиженным диваном и ломберным столиком.

Кибальчич засветил лампу.

– Ну вот мы и пришли, Сережа. Располагайся как дома, а я пойду похлопочу на кухне.

Сергей разделся. Причесал пышные русые волосы, поправил шелковистую бородку и, сев на диван, взял со стола две книги в кожаных переплетах.

Одна оказалась трудом по химии на немецком языке, а другая была английская. Сергей не знал английского языка, но, листая книгу, по рисункам и отдельным словам догадался, что в ней описывались порох и пироксилин.

«Почему здесь эти книги? Неужели Коля Кибальчич изучает взрывчатые вещества? Зачем это ему? А?.. Неужели для партии? Неужели этот взрыв в Зимнем?.. Нет, не может быть... А если причастен?..»

Послышались шаги в передней. Сергей поспешно положил книги на стол и отодвинулся. Дверь распахнулась, вошел Кибальчич, неся пыхтящий самовар.

– Вот это браво! – воскликнул Сергей и вскочил, чтобы помочь другу.

За чаем друзья разговорились по душам.

– Ты говоришь, Сережа, что летом был в нашем Новгород-Северске. Ну как он, что?

– Все так же, Коля, зеленый и тихий городок, только река немного обмелела – посредине песчаная коса... Видел многих наших товарищей по гимназии. Вспоминают тебя...

– Спасибо! А что, не был ты, Сережа, в Коропе? Не слышал про моего старика?

– Как же, как же, был в нашем родном городке. Виделся и говорил с твоим батюшкой, Иваном Осиповичем... Еще в Новгород-Северске я слышал, что отец Иоан по-прежнему в Коропе, в Успенском храме. Но будто бы тяжело хворал... Вот я и поехал, чтоб навестить.

– Спасибо, Сережа. Как же он теперь? – сцепив пальцы рук, спросил Николай.

– Слава богу! Здоров. Меня принял приветливо. Вспомнил, как готовил нас с тобой в гимназию. Славный старик.

– Спасибо, друг! Обрадовал. Я ведь не могу переписываться.

– Ну да, Коля, дорогой, я все понимаю... Думаю, что и он догадывается о твоём положении.

– Расспрашивал? – насторожился Кибальчич.

– Весьма сдержанно. Да и что я мог сказать? Спросил: не слышал ли что про тебя? Видно, тоскует... Потом заговорили о нашем детстве. Вспомнили твою покойную матушку; как она нас учила языкам, музыке, какая была ласковая, заботливая, Он всплакнул...

– Да, маму жалко – мало пожила, – вздохнул Кибальчич и незаметно смахнул слезу. – С ее смертью опустел наш шумный дом.

– Да, Коля, это было тяжело пережить... – сочувственно вздохнул Стрешнев и, помолчав, опять заговорил:

– Помнишь, когда была жива твоя матушка, какими счастливыми мы были. Помнишь прогулки с ней в луга и в лес за цветами? А рыбалку и купание в Десне?

Тихая улыбка озарила лицо Кибальчича:

– Да, Сережа, было чудесное время! Мама как-то умела сдружить семью, принять друзей. Жили весело. Отец в одиночестве, наверное, совсем одряхлел и одичал?

– Очень просил разыскать тебя и сказать, чтобы о нем не беспокоился. Братья и сестры здоровы. Он любит тебя и молится, чтоб бог послал тебе счастье.

– Ссорился я с ним. Не хотел учиться в духовной семинарии, а он настаивал. Еле уломали его тогда.

– А потом, когда узнал, что ты лучший ученик в гимназии, – смирился.

– Все это так, Сережа! И о счастье сына он молится. Молится, а не знает, что счастье мое совсем в другом... Сейчас, Сережа, надо думать не о себе, а о народе. Борься за его свободу. В этом высшее призвание и истинное счастье!

– Ты умница, Николай. У тебя и раньше все было ясно и определено. Ты видишь цель жизни, а я вот часто теряюсь... мечусь... Конечно, нужно бороться с деспотизмом. Я внутренне чувствую такую потребность. И кажется, минутами готов на самый отчаянный шаг. А иногда меня гложет сомнение.

– В чем именно?

– Да вот, хоть сегодняшней случай. Этот ужасный взрыв в Зимнем. Слышал, в подвале погибло много ни в чем не повинных солдат. Как подумаю, меня начинает трясти. К чему эти жестокие меры? Разве нельзя иначе? Зачем убивать государя? Он так много сделал добра.

– Кому? – нахмурился, спросил Кибальчич.

– Как, ты отрицаешь? Но ведь он же отменил крепостное право. Недаром же его называют «царь-освободитель»!

– Это Александр Второй сделал не из добрых побуждений, а из боязни революции. Он сам говорил дворянам: лучше отменить крепостное право сверху, чем дожидаться, пока оно будет отменено снизу.

– Положим, так, – возбужденно продолжал Сергей. – Ну, а учреждение земств, а введение в России высшего образования для женщин? А завоевания?

– Свои благодеяния царь утопил в крови революционеров и лучших людей России. Кто устроил позорную казнь Чернышевского? Кто построил виселицы по всей империи? Что молчишь? Он не царь-освободитель, а царь-деспот! Царь-тиран! Казненные им вопиют о мщении, и возмездие должно свершиться!

Сергей обхватил голову руками:

– Но это ужасно, ужасно!

Кибальчич встал, прошелся и, сев на диван рядом со Стрешневым, обнял его:

– Сережа, милый мой друг! Нельзя быть таким сентиментальным. Революционная борьба непреклонна. Она не знает компромиссов и жалости. Порой я сам сомневаюсь, верный ли путь борьбы избрала партия «Народная воля»? Но я решительно за то, чтоб не склонять головы пред деспотом, а вступить с ним в бескомпромиссную схватку. Партия «Народная воля» не раз призывала царя к благоразумию и милосердию. Но царь продолжал тиранствовать, и партия решила его казнить. За сегодняшним взрывом несомненно последуют другие... И тиран будет уничтожен!

Сергей схватил руку Кибальчича:

– Прости, Коля. У меня бывают минуты слабости. Но ты верь мне и, как другу, скажи: сегодня наши устроили взрыв?

– Со временем ты узнаешь все. Но сейчас и я твердо не знаю... Да и лучше совсем об этом не говорить. Стены тоже имеют уши...

– Конечно, я понимаю, Николай...

– Вот и славно! Давай укладываться. Утром мы оба должны быть бодрыми. Еще неизвестно, как обернутся события.

2

Оттого ли, что в комнате было сыро и прохладно, или знобило от нервного напряжения, но только Стрешнев долго не мог заснуть: ворочался, вздыхал.

– Тебе, Сергей, нехорошо? – участливо спросил Кибальчич.

– Нет, нет, Коля. Все превосходно. Я счастлив, что мы встретились.

– Однако не спишь...

– Так, разные мысли... Вот не успел спросить, как у тебя с содержанием? Получаешь субсидию или приходится перебиваться?

– Рецензирую немного в журнале и перевожу с английского, французского, немецкого. Заработок небольшой, но я – без запросов.

Сергей обвел взглядом освещенные тусклым светом голые стены, вздохнул:

– Настоящие революционеры всегда отличались скромностью. Я тоже, Коля, не потерпел бы в быту никаких роскошеств, а вот по пище духовной тоскую... Где ты бываешь? Есть ли у тебя друзья?

Кибальчич откашлялся, помедлил с ответом.

– Друзья есть, Сережа. Чудесные, благородные и смелые люди, готовые на подвиг. Имея таких друзей, можно отказаться от многого.

– Конечно, я очень чувствую это. Признаться, даже завидую тебе, Коля. Ну, а интимного, нежного друга, вернее, подруги у тебя еще нет?

Николай промолчал.

Сергей заволновался:

– Коля, ты не пойми мой вопрос в обидном смысле. Я ведь от души... У меня у самого есть невеста, милая, необыкновенная барышня. Мы любим друг друга.

– Я рад за тебя, Сережа. Очень рад! Что же касается меня... – Николай несколько замешкался и с грустью заключил: – Мне, в моем положении, было бы весьма легкомысленно влюбляться... а тем более подвергать опасности судьбу возлюбленной... Я призван к другому и исполню свой долг.

– Я понимаю, Коля, но ведь человек рожден и предназначен для радости и счастья. Он должен пользоваться всеми благами жизни. Даже Пушкин сказал: «Мертвый в гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий».

– Увы, мой друг, я, видимо, не предназначен для этого, – со вздохом сказал Кибальчич. – Ты лучше расскажи про свою невесту.

– О, Лиза – чудо! – обрадовался случаю Сергей. – Скромная, милая, красивая! Была у меня гимназисткой, но уж второй год, как учительница. Я познакомлю тебя. Думаю, что вы будете друзьями. Она необыкновенная! Вот сейчас зажмурю глаза и вижу ее... – Сергей действительно закрыл глаза и заснул.

Кибальчич долго еще думал о своих друзьях, о сегодняшнем взрыве в Зимнем и о том, какие он может повлечь за собой последствия...

Потом он сладко потянулся, зевнул и перенесся в детство. Вспомнилась беззаботная пора летних каникул, когда они с Сергеем, взяв с собой Вальтера Скотта и Фенимора Купера, на целый день уходили на живописный берег Десны. Милые воспоминания отвлекли от гнетущих мыслей, и он уснул...

Проснулись почти одновременно. За окном полыхали холодные отсветы зарниц. Друзья встали и быстро оделись. Сергей прислушался к шуму просыпавшейся улицы, взглянул на часы:

– О, мне надо спешить, Коля, чтоб успеть до прихода инспектора.

– Успеем выпить чаю – еще рано.

– Нет, голубчик, я побегу, спасибо! Теперь мы не должны терять друг друга из виду. – Сергей достал визитную карточку, исправил карандашом номер квартиры и подал Кибальчичу.

– Вот, Коля, в любое время ты будешь самым желанным гостем.

– Благодарю, Сережа! – Кибальчич несколько раз перечитал адрес и, чиркнув спичкой, поджег карточку. – Я запомнил. Ну прощай, коли торопишься.

Они обнялись.

– Спасибо, Коля. Спасибо за все! Будь здоров, и да пошлет тебе бог удачу!

– И тебе, Сережа, удачи и счастья!

– На пасху жду обязательно.

– Спасибо, друг! Если буду жив, навещу...

Сергей сбежал по лестнице и, никого не встретив во дворе, вышел на улицу. Солнце уже взошло. Свежий снежок слепил мерцающими искрами. Под ногой похрустывал тонкий ночной ледок. Морозный воздух приятно бодрил и радовал.

Когда Сергей дошел до угла, послышался визг полозьев и крик кучера. Из-за поворота вылетел арестантский возок с жандармами на ступеньке.

Сергей вздрогнул, замедлил шаг. Возок поворотил за угол и помчался к Петропавловской крепости.

«Кого-то схватили, – с горечью подумал Сергей, – теперь начнут «распутывать»...» Его мысли опять перенеслись к Кибальчичу. Четко слышались сказанные при прощании слова: «Если буду жив...» «Что все это значит? Неужели Николай участвовал в покушении на государя?.. Все это чудовищно. И все-таки я люблю Николая. Он честный, благородный и мужественный человек. Правда, он вступил на опасную стезю, но, может быть, именно этот путь единственно верный к свободе и братству?»

3

Кибальчича неудержимо тянуло на улицу: не терпелось узнать подробности о вчерашнем взрыве, но он заставил себя остаться дома – таков был приказ Исполнительного комитета «Народной воли».

Днем, когда вернулась хозяйка Анастасия Маркеловна – вдова коллежского регистратора, высохшая, подслеповатая ворчунья, – он сказался больным и попросил сходить за газетами.

– Не все вдруг, сударь мой, не все вдруг, – шамкала хозяйка. – Вот ужо согрею самоварчик, да напою чаем с малиновым вареньем, да достану из сундука волчью шубу, да укурю вас с головы до пят – тогда можно и за газетами... А малинка – средство верное! Мой-то, Иван Калистратович, покойник, бывало, чуть попростынет, сейчас же велит подавать чаю с малиной, да и того – под волчью шубу. А шуба у нас особенная – по наследству от свекра досталась. В ней пуда полтора весу. Пропотеете этак-то, и всю хворь как рукой сымет.

– Спасибо за заботу, Анастасия Маркеловна, – конфузясь, сказал Кибальчич, – боюсь, как бы вас не обременить.

– И... какое обременение, голубчик? Это я шутя излажу...

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ

Эту книгу вы можете прочитать
в Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н. К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел. для справок: (3532) 77-08-50

